

SOMATIC CODE OF CULTURE IN TRANSLATION LEXICOGRAPHY**Madinabonu Yuldosheva***2nd year master's student of the "Linguistics: Russian language" program**Bukhara State University**Bukhara, Uzbekistan***ABOUT ARTICLE**

Key words: somatic code of culture, somatic phraseologisms, phraseological fund of language, Russian-Uzbek translation lexicography, bilingual phraseological dictionaries, figurative basis, types of equivalence, cultural asymmetry, linguocultural approach, anthropocentric phraseology.

Received: 05.12.25**Accepted:** 06.12.25**Published:** 07.12.25

Abstract: The article examines the somatic code of culture in the context of Russian-Uzbek translation lexicography based on phraseological units containing body part names. The empirical material is drawn from Russian-Uzbek and Uzbek-Russian phraseological dictionaries and compared, taking into account the figurative basis, semantic structure, and cultural connotations. It is shown that, while sharing a common anthropological foundation, Russian and Uzbek somatic phraseology display different areas of semantic concentration. In the Uzbek language, "face" serves as the core marker of honor and social visibility, whereas in Russian, "tongue" as an organ of speech and moral discipline carries the key significance. The types of interlingual equivalence and asymmetry, instances of desomatization in translation, and shifts in the somatic center within equivalent structures are identified.

TARJIMA LEKSIKOGRAFIYASIDA MADANIYATNING SOMATIK KODI**Madinabonu Yo'ldosheva***"Lingvistika: rus tili" yo'nalishi 2-kurs magistranti**Buxoro davlat universiteti**Buxoro, O'zbekiston***MAQOLA HAQIDA**

Kalit so'zlar: madaniyatning somatik kodi, somatik frazeologizmlar, tilning frazeologik xazinasini, rus-o'zbek tarjima lug'atshunosligi, ikki tilli frazeologik lug'atlar, obrazli asos, ekvivalentlik turlari,

Annotatsiya: Maqolada ruscha-o'zbekcha tarjima leksikografiyasi doirasida madaniyatning somatik kodi tana a'zosi nomi tarkibli frazeologik birliklar misolida o'rganiladi. Empirik materiallar ruscha-

madaniy nomutanosiblik, lingvokulturologik yondashuv, antropotsentrik frazeologiya.

o‘zbekcha va o‘zbekcha-ruscha frazeologik lug‘atlardan olinib, obrazli asos, semantik tuzilish va madaniy ma’nolarni hisobga olgan holda taqqoslanadi. Rus va o‘zbek somatik frazeologiyasi umumiy antropologik asosga ega bo‘lsa-da, ma’no markazlashuvining turli sohalarini namoyon etishi ko‘rsatilgan. O‘zbek tilida “yuz” or-nomus va ijtimoiy ko‘rinishning belgisi sifatida asosiy o‘rin tutsa, rus tilida “til” nutq va axloqiy intizom organi sifatida muhim ahamiyat kasb etadi. Tillararo ekvivalentlik va nomutanosiblik turlari, tarjimada somatik xususiyatning yo‘qolishi holatlari, shuningdek, ekvivalent tuzilishida somatik markazning siljishi aniqlanadi.

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Мадинабону Юлдошева

Магистрантка 2-го курса направления «Лингвистика: русский язык»

Бухарский государственный университет

Бухара, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: соматический код культуры, соматические фразеологизмы, фразеологический фонд языка, русско-узбекская переводная лексикография, двуязычные фразеологические словари, образная основа, типы эквивалентности, культурная асимметрия, лингвокультурологический подход, антропоцентрическая фразеология.

Аннотация: В статье рассматривается соматический код культуры в контексте русско-узбекской переводной лексикографии на материале фразеологических единиц с компонентом названия части тела. Эмпирический материал извлечён из русско-узбекских и узбекско-русских фразеологических словарей и сопоставляется с учётом образной основы, семантической структуры и культурных коннотаций. Показано, что при общей антропологической базе русская и узбекская соматическая фразеология демонстрируют различные зоны смысловой концентрации. В узбекском языке ядром выступает «лицо» как маркер чести и социальной видимости, тогда как в русском ключевую нагрузку несёт «язык» как орган речевой и нравственной дисциплины. Выявляются типы межъязыковой эквивалентности и асимметрии, случаи десоматизации при переводе, а также смещение соматического центра в структуре эквивалента.

Введение. В современной лингвистике именно фразеологический фонд языка всё чаще рассматривается как пространство, где наиболее концентрированно проявляются культурные коды, ценности и стереотипы национального сознания. Не случайно В.Н.Телия называет «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, 9]. Среди различных фрагментов этой зеркальной системы особое место занимают единицы, опирающиеся на телесный опыт человека. Исследования Ю.А.Башкатовой, И.В.Тубаловой, А.И.Муравьевой, М.В.Румянцевой и др. показывают, что соматическая образность служит устойчивым каналом кодирования представлений о эмоциях, характере, интеллекте, социальной и моральной норме.

Методологическая основа работы складывается на пересечении соматической фразеологии, теории культурных кодов и переводной лексикографии. В русской фразеологической традиции, восходящей к В.В.Виноградову, В.Н.Телии, А.В.Кунину, Н.Ф.Алефиренко, фразеология осмысливается как особая зона концентрации культурного опыта. В более узком поле соматической фразеологии, где устойчивые выражения с номинациями частей тела становятся ключом к антропоцентрической картине мира, важны наблюдения Е.В.Ивченковой, для которой «соматические фразеологизмы – это своего рода символизация акциональных эмоций, продуктивность которой обусловлена, главным образом, их физиогномическим характером» [3, 102].

Понятие соматического/телесного кода культуры разрабатывается в рамках лингвокультурологического подхода (В.В.Красных, Д.Б.Гудков, М.Л.Ковшова, Н.Ф.Алефиренко): Ю.А.Башкатова определяет «соматический код культуры» как «совокупность имён частей тела, несущих дополнительные, культурно значимые смыслы» [1, 220], тем самым задавая теоретическую рамку для интерпретации соматизмов как знаков языка культуры. Для тюркского и, в частности, узбекского материала значимы контрастные исследования Г.Егемберди, где «установлены универсальные и идиоэтнические модели репрезентации телесного кода культуры через фразеологию, связанную с лексемами бас/келе, көз/кўз, қол/қўл, жүрек/юрак» [2, 135]; в узбекской традиции соматические фразеологизмы и их лингвокультурный потенциал описываются в диссертациях и статьях А.Исоева, Ш.Рахматуллаева, Н.Мавлоновой, М.Н.Касимовой и др.

Вопрос переводного представления соматической фразеологии включён в более широкую историю двуязычной лексикографии. По наблюдению В.П.Беркова, «двуязычная, или переводная, лексикография насчитывает по меньшей мере четыре тысячелетия», и современный этап характеризуется переходом от простого перечисления соответствий к моделированию межъязыковых отношений значений. В работах по переводной

фразеологии (Ю.Э.Дорохова, Л.А.Девель, А.М.Бабкин, О.В.Парина и др.) показано, что «фразеологизмы исходного и переводящего языков обнаруживают различия в образной основе, актуальном значении, сочетаемости и распространённости» [5, 51], что особенно ощутимо именно в соматической сфере.

Для русско-узбекского направления эмпирическую базу составляют двуязычные фразеологические словари и фразеологические разделы крупномасштабных словарей: «Русско-узбекский фразеологический словарь» М.Содиқовой, «Краткий узбекско-русский фразеологический словарь» М.Абдурахимова, фразеологический словарь Ш.Рахматуллаева, а также учебные и тематические словари, где уже опробованы различные способы передачи соматических фразеологизмов. Специальные исследования Н.А.Мавлоновой, М.Н.Касимовой, посвящённые типам эквивалентности, структуре словарной статьи, маркировке стилистической и культурной информации в русско-узбекских словарях, задают непосредственный лексикографический контекст для нашего анализа русско-узбекских фразеологических соответствий.

В исследовании используются взаимодополняющие методы: сопоставительный, компонентный и семантико-культурный, контекстуальный и элементы количественного/статистического анализа. Методологически работа опирается на лингвокультурологический и антропоцентрический подходы, а также на принципы современной двуязычной лексикографии.

Теоретические основы соматического кода культуры и фразеологической репрезентации. Человеческое тело в языковом сознании никогда не остаётся нейтральной «биологией». Через соматическую лексику и фразеологизмы культура кодирует представления об эмоциях, морали, социальном статусе, норме и девиации. В современном лингвокультурологическом дискурсе это воплощается в понятии соматического кода культуры, маркирующего устойчивые связи между частями тела и культурно значимыми смыслами. На материале русской традиции соматический код детально описан в работах Ю.А.Башкатовой, И.В.Тубаловой, М.В.Румянцевой, Х.Ван и др., которые показывают, что соматизмы систематически развивают дополнительные символические значения, закреплённые в коллективном опыте, и тем самым превращаются в опорные точки национальной картины мира.

Теоретическое осмысление соматического кода опирается на более общее понятие «кода культуры», восходящее к лотмановской семиотике, но развернутое в лингвокультурологии (В.В.Красных, Д.Б.Гудков, М.Л.Ковшова, В.А.Маслова и др.). В.В.Красных определяет код культуры как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [4, 232]. В

рамках этой сетки выделяются разные типы кодов — соматический, пространственный, временной, цветовой, гастрономический, артефактный, деятельностный и др., при этом соматический код оказывается ключевым, поскольку опирается на универсальную телесность, но реализуется в национально-специфических конфигурациях символов и эталонов.

Русская и узбекская картины мира демонстрируют и универсальность, и своеобразие соматического кодирования. Для русской традиции показательным, что в соматических образах закреплены базовые культурные архетипы: «сердце – средоточие внутреннего мира человека, кровь – символ жизни, рука – символ власти» [1, 220]. Эти семантические комплексы последовательно развиваются в паремиях и фразеологии и связываются с представлениями о чести, стыде, достоинстве, жизненной силе. В узбекской лингвокультуре соматическая фразеология также выполняет функцию сгущения мировоззренческих и поведенческих норм. Исследования А.Исаева, Ш.Усмоновой, Н.М.Азимовой, Н.А.Тураповой и др. показывают, что телесные образы систематически соотносятся с национальным менталитетом, этнокультурными стереотипами и религиозно-нравственными представлениями.

Показателен вывод Н. А. Тураповой о том, что соматизм «кўз / глаз» в японском и узбекском языках соотносится с различными фокусами взгляда: в японском языке — с внешней точкой зрения на человека, в узбекском — с внутренней. Тем самым соматический образ фиксирует различие в культурной перспективе на человеческую личность [7].

Именно фразеологический уровень оказывается наиболее чувствительным носителем соматического кода. В.Н.Телия подчёркивает, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [6, 9]. И.В.Зыкова развивает эту линию, рассматривая фразеологический знак как место хранения и накопления культурных смыслов, а М.Л.Ковшова напоминает, что фразеологизмы при изучении чужого языка и культуры важны поскольку они непосредственно передают культурные ценности каждого народа.

Сопоставительный анализ русской и узбекской соматической фразеологии. Сопоставление узбекско-русских соматических фразеологизмов наглядно показывает, что при общей антропологической базе две культуры по-разному размечают тело как носитель смысла.

В первую очередь бросаются в глаза пары, где совпадают и соматический компонент, и образ, и общее значение. Узбекские бош қотирмоқ и қони қайнамоқ практически зеркально коррелируют с русскими ломать голову и кровь кипит. И там и там голова связана с мучительным размышлением, а кровь — с резкой вспышкой аффекта, гнева, негодования.

То же можно сказать о парах қўлни ковуштириб ўтирмақ – сидеть сложа руки, тил чиқармақ – показать язык, юзини сақламақ – сохранить лицо, оғзи очик қолмақ – рот разинул (от удивления). В этих случаях словарь и переводчик находятся в относительно комфортной ситуации: образ совпадает, соматическая зона одна и та же, эмоциональная оценка одинакова, и фразеологизм может быть сопоставлен по формуле один к одному без существенных потерь.

Однако уже внутри этой зоны комфорта возникают тонкие сдвиги. Так, узбекское қўли узун и русское длинные руки, с одной стороны, почти идеально совпадают образно: длинная рука — метафора «дотягивания» до нужных людей и ресурсов. С другой стороны, в узбекской языковой практике коннотация заметно жёстче и стабильнее отрицательная. Речь идёт именно о злоупотреблении властью, коррупции, теневом влиянии. Русское выражение может звучать угрожающе, иронично, но диапазон здесь шире, длинные руки могут быть у спецслужб, у криминала, у «системы» вообще, и не всегда контекст задаёт столь однозначно коррупционный оттенок. Уже на этом уровне простой эквивалент оказывается недостаточным, и словарная статья должна фиксировать разницу в степени негативности.

Ещё одно поле почти полной эквивалентности — соматизмы с сердцем и кровью. Узбекские юраги сиқилмақ, юраги қотмақ, қони қайнамақ и их русские соответствия сердце сжимается, ожесточиться (очерстветь сердцем), кровь кипит строятся на общем представлении о сердце как центре переживаний, а о крови — как о носителе жизненной энергии и темперамента. Однако оттенки расходятся. В узбекском материале с қон сильнее проявляется линия силы и темперамента: кипящая кровь — это, прежде всего, бурная внутренняя энергия, горячий характер. В русских выражениях с кровью к этому добавляются мотивы ужаса, оцепенения, шока (кровь стынет в жилах, без кровинки в лице), которые в узбекской выборке выражены слабее. В итоге при переводе тематическое ядро совпадает, но «эмоциональный рисунок» слегка различается.

Практически универсален и образ головы. Узбекские бош қотирмақ и боши осмонга етди репрезентируют две типичные ситуации, напряжённое умственное усилие и экстремально сильную радость. Русские ломать голову и голова кружится от счастья воспроизводят те же сценарии. Голова — и орган мышления, и индикатор эмоциональной перегрузки. Здесь соматический код почти зеркален, и различия уводят в сторону стилистики, а не в сторону культурных ценностей.

Совершенно иная картина возникает при сопоставлении соматизмов, связанных с лицом и языком. В узбекском корпусе лицо (юз) образует особенно плотное семантическое гнездо: юзини сақламақ, юзи йўқ, юзини ўтирмақ. В этих выражениях концентрируется

целый комплекс представлений о чести, стыде, социальной видимости. Сохранить лицо — значит удерживать не только личный статус, но и честь семьи, рода, коллектива; человек с «нет лицом» — не просто бесстыдный, он как бы выпадает из системы социального контроля. Отвернуть лицо — не просто перестать общаться, а демонстративно прервать отношения, лишиться другого символического признания.

В русской системе центр тяжести заметно смещён к языку. Именно язык — острый на язык, язык без костей, держать язык за зубами, говорить, что на язык придёт — оказывается узловым пунктом, через которую описываются и болтливость, и злоязычие, и дисциплина речи. Язык в этих выражениях — не только орган речи, но и «инструмент» нравственного самоконтроля: тот, кто не держит язык, не умеет вовремя остановиться, нарушает нормы приличия. Лицо в русской фразеологии тоже значимо (потерять лицо, ударить в грязь лицом), но по плотности и разнообразию образов оно уступает языку; тогда как в узбекской системе юз оказывается одним из ключевых соматических центров, через который кодируется коллективное представление о чести и стыде.

Таблица 1. Узбекско-русские пары соматических фразеологизмов

№	Узбекский фразеологизм	Основное значение	Русский эквивалент
1	кўзига қон тўлмоқ	прийти в ярость	глаза налились кровью
2	кўздан ёш тўкилмоқ	горько плакать	из глаз льются слёзы
3	кўзга илмаслик	игнорировать, презирать	не считать за человека
4	бош қотирмоқ	напряжённо думать	ломать голову
5	боши осмонга етди	быть безмерно счастливым	голова кружится от счастья
6	юраги қотмоқ	ожесточиться	очерстветь, ожесточиться сердцем
7	юраги сиқилмоқ	тревожиться, тосковать	сердце сжимается
8	қони қайнамоқ	сильно негодовать	кровь кипит
9	қон ўрнига сув	бесстрастный, «холодный»	кровь не играет
10	қўли узун	обладающий неформальной властью, «длинные руки»	длинные руки
11	қўлни қовуштириб ўтирмоқ	бездействовать	сидеть сложа руки
12	қўлидан келмоқ	быть по силам	дело ему по плечу
13	тили аччиқ	язвительный, резкий в речи	острый на язык
14	тили оғир	молчаливый, тяжёлый на подъём в речи	тяжёл на язык, неразговорчивый
15	тил чиқармоқ	дразнить	показать язык
16	юзи йўқ	бессовестный	стыда нет
17	юзини сақламоқ	сохранить честь, репутацию	сохранить лицо
18	юзини ўгирмоқ	демонстративно отвернуться	повернуться спиной

19	оғзига келганини гапирмоқ	говорить, не подбирая слов	говорить, что на язык придёт
20	оғзи очик қолмоқ	чрезвычайно удивиться	рот разинул (от удивления)

Заключение. Проведённый анализ показал, что соматический код культуры в русско-узбекской фразеологии опирается на единую телесную «антропологическую базу», но реализуется в разных конфигурациях культурных смыслов. Сферу универсального образуют, прежде всего, модели с головой, сердцем и кровью, где русские и узбекские фразеологизмы сходным образом концептуализируют мыслительную деятельность, интенсивные эмоциональные состояния и жизненную энергию человека. В то же время распределение акцентов внутри соматического пространства оказывается различным: узбекская картина мира сосредоточивает оценочные и нормативные смыслы вокруг лица и связанных с ним представлений о чести, стыде, сохранении и утрате социального статуса, тогда как русская традиция заметно сильнее нагружает зону языка, через который кодируются параметры речевой и нравственной самодисциплины.

Список использованной литературы:

1. Башкатова Ю. А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. – 2014. – №. 4. – С. 220-228.
2. Егемберди Г. Соматические фразеологизмы в тюркских языках (казахский-узбекский-турецкий) // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. – №. 8 (89). – С. 135-143.
3. Ивченко, Е. В. Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте / Е. В. Ивченко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2011. – № 3. – С. 101–104.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Парина И. С. Описание фразеологизмов в двуязычном словаре как переводческая проблема // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2012. – №. 3. – С. 51-58.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
7. Турапова Н. А. Япон ва ўзбек тиллари соматик фразеологизмларининг чоғиштирма таҳлили (лингвомаданий аспект): автореф. дис. ... филология фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD). – Тошкент: Тошкент давлат шарқшунослик университети, 2020. – 63 б.